

Долго я не решался писать о Владимире Науменкове. Прошло пять лет, как его нет, а не верится. С ним ушла частица моей жизни: наши разговоры о литературе, об истории, в последние годы особо о 1812-м году: он собирал материал для поэмы, потому что не хотел писать просто так, событийно-перечислительно, чем грешат многие наши стихотворцы, он хотел познать тайные пружины человеческого характера на войне. Владимир Науменков - из немногих, кто мог говорить о литературе долго и заразительно, он всегда спорил, приводил множество поэтических примеров. Одно время он взялся за изучение творчества Евгения Евтушенко, собрал все сборники его стихов. Однажды объявил, что пишет повесть "Ватерлинния", показывал даже наброски: повесть должна быть о людях, которых он знал и ценил. Повесть так и осталась в отрывках. Его всегда приводил в восхище-

зал он. - Просто те, ~~о~~ ^з -порил, не знали о ее существовании и ~~з~~ ^з -огли представить, что такое может быть! Так я стал обладателем Полного собрания сочинений А.С. Пушкина в одном томе 1949 года издания. Я нашел историю появления этой книги. В дни подготовки к 150-летию со дня рождения поэта правительство приняло постановление по празднованию юбилея, и среди прочих мероприятий значилось издание однотомника, для которого была заказана специальная бумага - очень тонкая и прочная. До сих пор книга стоит у меня на полке и напоминает о Владимире Науменкове. Открываю книгу - и везде его подчеркивания, Пушкина он знал очень хорошо, ценил. В последнее время он увлекался Лермонтовым, читал его стихи наизусть. Искал подходы к поэме о 1812-м году. Пушкин, Лермонтов - свидетели эпохи, когда были живы еще участники Отечественной

ВЛАДИМИР НАУМЕНКОВ

ние землеустроитель Шаталов, он познакомился с ним на Севере, в Тиличиках. Шаталов подарил ему записи своих походов по Якутии и Чукотке, я видел эти записи, от них пахло духом Федосеева. А может, и Федосеев, и Шаталов, и Науменков были просто заражены Севером. Науменков посвятил Шаталову стихотворение, оно из его северного цикла. Много раз с любовью Науменков рассказывал, как ездил на Чукотку, как познакомился там с косторезами, он восхищался их чудодейственным искусством, называл по именам мастеров. Любил пареньские ножи, с почтением вынимал из деревянных ножен клинок, рассматривал и осторожно возвращал на место. Любовь к ножам и авторучкам была у него одинакова. Авторучек у него было много. Он держал их в особом кожаном чехле. Выменивал, опробовал каждую, предпочитал писать черными чернилами. В хорошем настроении мог подарить любую авторучку и никогда об этом не жалел. Впрочем, подарить мог не только авторучку. В начале 1970-х, в октябре, он, зная мою привязанность к книгам, решительным жестом достал с полки толстенный томик, надписал и протянул мне. "Эта книга уникальна тем, что на флоте я не раз с ее помощью выигрывал ящик коньяка. Береги ее, - ска-

войны. И он, поэт Владимир Науменков, воспитанный в военные годы, ненавидевший войну, написавший глубокое стихотворение о войне: "Он был один, лежал среди долины // Иван российский, длинный и худой...", хотел понять истоки герояизма русского солдата.

А познакомился я с Владимиром Науменковым в 1964-м году, 16 ноября, на первой областной конференции творческой молодежи Камчатки, которая проходила в Доме политического просвещения на Ленинской (ныне здание Камчатского пединститута). Вот каким я его тогда запомнил: лейтенант флота, среднего роста, с нервыми, чуть подрагивающими пальцами и подвижным, тоже нервным, беспрестанно меняющимся лицом. Лицо некрасивое, но запоминающееся, особенно голубые глаза без примесей и воды. Ходит, выставив вперед правое или левое плечо. Выступать не умеет, говорит быстро, не кончает мысль, заикается от волнения. Но стихи хороши.

Первые впечатления менялись. Я видел его спокойным, он говорил рассудительно и образно. А как великолепно читал свои стихи! Мало я слышал стихов в таком наполненном силой исполнении...

Евгений ГРОПЯНОВ,
10 апреля 2000 года.